

В этом мире Чу Ван достиг вершин власти, возвысившись до поста чэнсяна. За годы службы он дал государю немало мудрых и взвешенных советов, став одним из творцов эпохи процветания. Однако, не дожидаясь заката своих дней, в возрасте пятидесяти лет он подал в отставку по возрасту и вместе с Чэн Янем покинул столицу.

Они не стали возвращаться в уезд Битань, а обосновались в том самом городке, где когда-то доживал свой век Чэн Цайцзюнь. Супруги вели тихую жизнь и, подобно отцу, посвятили себя благотворительности.

Чу Ван дожил до глубокой старости и покинул этот мир лишь на восьмом десятилетии. Его уход был мирным: той ночью они, как и все последние десятилетия, заснули бок о бок, и Чэн Янь даже во сне крепко держал Чу Вана за руку.

В предрассветный час Чэн Янь внезапно почувствовал странный зов. Пробудившись, он повернул голову и увидел, что Чу Ван спит безмятежным, вечным сном.

В следующее мгновение из груди Чу Вана медленно выплыл тусклый сгусток белого света. Эта призрачная сфера, приложив видимое усилие, вырвалась на свободу и замерла в воздухе, словно выбирая цель, а затем стремительно ринулась к груди Чэн Яня.

Чэн Янь застыл в оцепенении. Лишь когда светящийся шар беспрепятственно слился с его телом, он пришел в себя. Он почувствовал, как скрытый в его собственном сердце осколок света соприкоснулся с новым «пришельцем» — они мгновенно объединились, превратившись в сферу покрупнее.

Слияние прошло без малейшего сопротивления, будто они изначально были частями единого целого.

Прижав руку к груди, Чэн Янь ощутил исходящее от сердца едва уловимое тепло. На душе у него стало спокойно и тихо. Наконец он закрыл глаза, и его дыхание тоже прервалось.

История о бывшем чэнсяне и его муже передавалась из уст в уста даже столетия спустя. И хотя поздние историки считали финал о «влюбленных, ушедших в Желтые источники в один миг», скорее поэтическим вымыслом, многие люди всё равно были тронуты их преданностью и тем, что они прожили жизнь рука об руку, ни разу не предав друг друга.

Исследователи последующих эпох признавали: вклад Чу Вана в реформы государственного строя был неоценим, а прозорливость Чэн Яня в делах торговли, развившего систему караванов и торговых домов, заложила фундамент для экономического расцвета будущих поколений.

Чэн Янь вернулся в Изначальный мир.

Его личное пространство по-прежнему напоминало уютную комнату для питомца.

Он извлек световую сферу из своей груди. Оказавшись на свободе, шар тут же завис в воздухе, не желая улетать далеко, и принялся кружить вокруг Чэн Яня.

Тот шутливо ткнул в него пальцем, и сфера мгновенно отлетела в сторону, завращалась в воздухе, теряя ориентацию, и начала падать. Чэн Янь уже протянул ладонь, чтобы поймать её, но малютка резко взмыла вверх, описала широкую дугу и опустилась прямо ему на макушку.

Чэн Янь понял, что с ним заигрывают, и невольно улыбнулся.

Поймав «беглеца» на голове, он зажал сферу в ладонях и глубоко погрузил в него палец. Светящийся шар прогнулся под нажимом, а когда Чэн Янь убрал руку — тут же спружинил обратно.

— Озорник, — негромко рассмеялся Чэн Янь.

Сгусток света будто понял его слова: он подпрыгнул несколько раз, словно ласкаясь к ладони хозяина.

Рассмотреть в этом сиянии какой-то определенный облик по-прежнему не удавалось — даже два соединенных осколка души не позволяли проявиться хотя бы зачаткам истинной формы.

В мыслях Чэн Яня еще жили сомнения относительно природы Чу Вана, но догадки становились всё более определенными.

«Должно быть, по какой-то неведомой причине душа Чу Вана была расколота на множество частей и разбросана по малым мирам. И только собрав все осколки воедино, я смогу вернуть ему целостность»

Что же касается того, почему в двух заданиях подряд целью спасения оказывались именно части души Чу Вана, у Чэн Яня было несколько соображений.

«Вероятность совпадения ничтожна, — Чэн Янь всё ещё не считал, что в мириадах малых миров возможны подобные случайности. — Или же это заговор Изначального источника против меня? Но имеющейся информации недостаточно, чтобы понять, какой цели он добивается, если всё это действительно часть его плана»

Чэн Янь подумал о последней зацепке.

«Я помню, что так и не выкупил воспоминания о своей прошлой жизни. Вполне возможно, что моё утраченное прошлое напрямую связано с Чу Ваном»

Обычно после завершения миссии Чэн Янь позволял себе долгий отдых, и прошлый раз не стал исключением. Но теперь, поиграв немного со световой сферой, он снова вложил её себе в грудь, готовый немедленно отправиться в следующий путь.

Он не знал, ждет ли его в ином мире такая же «случайность», но жажда поскорее оказаться там стала почти нестерпимой.

Возможно, там его ждал новый сюрприз.

***

...И сюрприз действительно не заставил себя ждать.

Открыв глаза, Чэн Янь первым делом проанализировал переданный сюжет, а затем привел в порядок воспоминания своего нового воплощения. Вывод напрашивался сам собой.

Этот мир пребывал в первобытном состоянии, почти на грани дикости. Люди, чей разум только начал пробуждаться, жили охотой и простейшим собирательством. Они едва научились изготавливать примитивные орудия труда и объединялись в племена со строгим разделением обязанностей и культом тотемов.

Но была и одна странная особенность: часть обитателей этого мира нельзя было назвать людьми в полном смысле слова. Куда точнее было бы именовать их «зверочеловеками».

Жители этого мира делились не на мужчин и женщин в привычном понимании, а по наличию звериной формы.

Тех, кто был способен переключаться между человеческим телом и обликом хищного зверя, называли зверочеловеками. На их плечи ложилась охота и защита племени. Тех же, кто был лишен звериной ипостаси, звали полузверочеловеками. Они были слабее зверочеловеков, но обладали способностью производить на свет потомство. В их ведении находились воспитание детей, собирательство и прочие дела, не требующие грубой силы.

Зверочеловеки составляли около шестидесяти процентов населения. Полузверочеловеки из-за слабого здоровья часто погибали в юности, поэтому их численность была невелика, однако в целом сохранялся относительный баланс.

Среди зверочеловеков встречались как могучие воители, так и те, чья звериная форма была жалкой и беспомощной. В этом мире, полном опасностей, право голоса имел лишь тот, у кого кулак был тяжелее.

И в этом мире Чэн Яню предстояло спасти зверочеловека, который в теории должен был быть невероятно силен.

Но в реальности он оказался на редкость невезучим.

В племени заведено, что все сильные воины по достижении зрелости выбирают себе пару среди полужверочеловеков. Когда полужверочеловек беременел, он обычно не знал наверняка, кто отец ребенка, но указывал на самого почитаемого им зверочеловека как на отца будущего плода.

Как бы то ни было, в сознании каждого жило убеждение: зверочеловек должен быть с полужверочеловеком. Иные союзы были просто невыносимы.

Но объект миссии Чэн Яня оказался «белой вороной».

Этот мужчина влюбился не в самого прекрасного полужверочеловека племени, а в другого воина своего же пола, и преследовал его с пылкостью и страстью. Тот же, в кого он был влюблен, лишь притворялся благосклонным, втайне считая подобные чувства к себе омерзительными. Он использовал влюбленного в своих целях, но в то же время искал способ избавиться от него.

Изначально этот воин пользовался в племени всеобщим уважением: его звериная форма была величественной, а с каждой охоты он возвращался с богатой добычей. Но слухи о его «неправильной» любви, намеренно распушенные объектом его обожания и приправленные ядовитыми комментариями, изменили всё. Соплеменники решили, что подобное поведение идет вразрез с самой природой и навлечет гнев богов на всё племя.

Когда во время очередной охоты этот воин получил тяжелую рану, судьба его была предрешена. Подстреленные недоброжелателями, люди проголосовали за его изгнание. Племя единогласно решило, что его грех непростителен.

В этом полном опасностей мире раненый зверочеловек, лишенный ухода и лечения, быстро теряет былую мощь. Став одиноким бродягой в диких землях, он познал лишь боль и лишения, и спустя несколько лет встретил свой конец в неизвестности.

А тот, кого он так преданно любил, прожил долгую и счастливую жизнь с прекрасным полужверочеловеком, в конце концов став вождем племени.

Разумеется, главным «сюпризом» в этом сюжете для Чэн Яня стало имя несчастного изгоя. Его звали Чу.

Чэн Янь ощутил странную смесь дежавю и желания выругаться.

«Я всерьез подозреваю, что Изначальный источник просто издевается надо мной»

Впрочем, времени на философские размышления не было. Из памяти своего нового тела Чэн Янь узнал, что вчера всё племя проголосовало за изгнание Чу, и сегодня — день исполнения приговора. Скорее всего, его вот-вот вышвырнут за пределы стоянки.

Не в силах усидеть на месте, Чэн Янь вскочил и выбежал из своей примитивной пещеры.

Снаружи сновали люди, прикрытые лишь простыми травяными юбками. Повсюду мелькала голая кожа, облик соплеменников был прост и груб.

Чэн Яню даже не пришлось ни о чем расспрашивать. Он сразу услышал обрывки разговоров:

— Идем скорее! Чу сейчас выгонят!

Услышав это, Чэн Янь сорвался на бег, устремившись в ту сторону, куда спешила толпа.

Множество людей собралось у входа в одну из пещер. Когда Чэн Янь приблизился, соплеменники расступились перед ним, почтительно и удивленно восклицая:

— Господин Уи! Зачем вы здесь?

Чэн Янь еще не до конца осознал социальный статус своего нынешнего воплощения, поэтому лишь коротко бросил:

— Где Чу?

— Его сейчас вытащат из пещеры и погонят прочь! — с готовностью отозвался кто-то из толпы.

Сердце Чэн Яня тревожно екнуло.

И в тот же миг из глубины пещеры донесся ледяной голос:

— Не смейте меня трогать! Я в состоянии уйти сам!

Толпа заволновалась, люди жадно подались вперед, вглядываясь в зев пещеры. Похоже, положение Чэн Яня в племени действительно было особенным — он стоял в первых рядах, и никто не осмеливался его теснить.

Вскоре из тени показался силуэт. Человек шел медленно, пошатываясь, постепенно выступая

на свет.

Первое, что бросилось Чэн Яню в глаза, была его окровавленная голень. Мышцы были разорваны в клочья, кое-где белела обнаженная кость. Рана была густо замазана какой-то сомнительной кашицей из трав, отчего выглядела еще более пугающе.

Затем он увидел лицо раненого.

Молодой мужчина смотрел на окруживших его соплеменников затравленно и яростно. Его взгляд был полон такой неприкрытой враждебности, что многие невольно попятнулись.

Чэн Янь же замер на месте.

Лицо было совершенно незнакомым, но этот взгляд... он заставил его сердце дрогнуть.

<http://bllate.org/book/15870/1500200>